

О ХАРАКТЕРЕ ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ КО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1933—1939 гг.)

В. И. Дашичев

Понять сущность стратегии фашистской Германии во второй мировой войне невозможно без рассмотрения ее военно-экономических истоков. Состояние и развитие военно-экономического потенциала Германии оказало решающее воздействие на формирование стратегической концепции германского фашизма, на его планы ведения войны. В свою очередь, немецко-фашистская стратегия обусловила характер подготовки германской экономики к агрессии. Согласование стратегических целей и планов войны с экономическими усилиями Германии нашло свое выражение в военно-экономическом планировании, предпринятом гитлеровским руководством. Именно в этой области координации стратегии и экономики наиболее ярко проявились волюнтаризм гитлеровского командования, его неспособность трезво оценить соотношение сил сторон, ставка на временные преимущества и игнорирование факторов длительного действия. Все это наложило глубокую печать на характер и особенности военной экономики фашистской Германии.

Чтобы правильно оценить соотношение военной стратегии и военно-экономического планирования фашистской Германии в 1933—1939 гг., надо рассмотреть в единстве целый комплекс объективных и субъективных факторов. Мы остановимся здесь на следующих важнейших вопросах: механизм военно-экономического планирования в фашистской Германии в 1933—1939 гг.; особенности и направленность военно-экономического планирования, обусловленные объективными причинами и стратегическими планами гитлеровского руководства; результаты военно-экономического планирования, состояние военной экономики Германии к сентябрю 1939 года.

Подготовку военной экономики для ведения тотальной войны гитлеровцы считали решающей предпосылкой для осуществления своих внешнеполитических целей. Они твердо усвоили заповедь Людендорфа: «Полководец должен организовать дело так, чтобы финансы и экономика соответствовали требованиям тотальной войны и чтобы в ее интересах были проведены мероприятия, обеспечивающие поддержание жизненных сил народа и экономики, материальное снабжение народа и вооруженных сил»¹. Для решения этих задач германские империалисты нуждались в высших органах военно-экономического планирования и руководства, которые смогли бы определить пути и методы подготовки экономики к агрессии, обеспечения военной промышленности сырьем, рабочей силой, производственными мощностями, энергетической базой, изыскать средства для финансирования вооружений, наладить массовое военное производство.

¹ E. Ludendorff. Der totale Krieg. München. 1936, S. 115.

Еще в веймарский период были созданы военно-экономические ведомства по согласованию требований вооруженных сил с военным производством². Однако унаследованный от рейхсвера механизм военно-экономического планирования, когда каждый вид вооруженных сил через свои управления вооружений составлял производственные программы и заказы для обслуживавших их предприятий, не мог обеспечить централизованное использование производственных мощностей, людских и материальных ресурсов в интересах форсированной подготовки к войне. Поэтому с первых лет фашистской диктатуры началось расширение органов военно-экономического планирования, их приспособление к нуждам гонки вооружений. В апреле 1934 г. при военных округах были созданы военно-экономические инспекции, которые должны были учитывать производственные мощности военной промышленности и подготовить массовый выпуск вооружения³. Их деятельностью руководил отдел военной экономики и вооружений при военно-политическом управлении военного министерства. Одновременно были приняты меры к тому, чтобы экономическую подготовку к войне поставить на плановые основы. Зимой 1933—1934 гг. управление вооружений сухопутных войск, которое возглавлял подполковник Г. Томас, представило военному министру Бломбергу меморандум, где выдвигалось требование перейти к системе планирования в области вооружений и подготовки к войне. В меморандуме предлагалось составить пятилетний план осуществления программы оснащения вооруженных сил боевой техникой и вооружением и планомерного увеличения продовольственных и сырьевых ресурсов страны для нужд войны⁴. Этот меморандум был передан Бломбергом Гитлеру и послужил основой для разработки четырехлетнего плана подготовки германской экономики к войне, принятого в 1936 году⁵.

Огромное влияние на становление органов военно-экономического планирования и руководства в фашистской Германии оказали германские монополии. Об этом наглядно свидетельствует памятная записка концерна «ИГ Фарбениндустри» «Милитаризация экономики», составленная в марте 1935 года⁶. В этом документе была предначертана схема, по которой создавалась «всеохватывающая военно-экономическая организация» германского империализма. В нем прямо ставился вопрос: «Все планирование производства важных в военном отношении материалов, так же как и планирование снабжения сырьем, должно находиться под единым централизованным военно-экономическим руководством» — и подчеркивалась необходимость поставить на службу подготовке войны «инициативу, стремления и содействие частного хозяйства»⁷.

В 1935 г. был сделан значительный шаг вперед по пути централизации военно-экономического планирования и усиления влияния командования вермахта на развитие экономики: отдел военной экономики и вооружений при военно-политическом управлении военного министерства был преобразован в военно-экономический штаб. На него возлагалась задача подготовки военной промышленности к войне. Одновременно

² G. Janssen. Das Ministerium Speer. Deutschlands Rüstung im Krieg. Berlin-Frankfurt a/M. 1963, S. 13.

³ Ibid., S. 14.

⁴ G. Thomas. Geschichte der deutschen Wehr- und Rüstungswirtschaft (1918—1943/45). Boppard. 1966, S. 111.

⁵ До этого в 1934 г. был введен в действие «Новый план» Шахта. Суть его сводилась к тому, чтобы увеличить ввоз в Германию стратегического сырья за счет сокращения импорта продовольствия и готовых изделий. Проведением государственно-монополистических мероприятий удалось повысить импорт сырья и полуфабрикатов с 26 млн. т в 1933 г. до 40 млн. т в 1935 г. (W. Birkenfeld. Der synthetische Treibstoff 1933—1945. Ein Beitrag zur nationalsozialistischen Wirtschafts- und Rüstungspolitik. Göttingen. 1964, S. 77).

⁶ См. «Jahrbuch für Geschichte» Bd. I B. 1967, S. 270—277.

⁷ Ibid., S. 273.

министр экономики Функ был назначен генеральным уполномоченным по экономике, в обязанности которого входила подготовка к войне всех отраслей народного хозяйства, кроме военной промышленности. К этим двум органам вскоре прибавился третий — аппарат Геринга как уполномоченного по осуществлению четырехлетнего плана. В декрете Гитлера от 18 октября 1936 г., которым Геринг назначался на эту должность, говорилось: «Министр-президент генерал-полковник Геринг принимает меры, необходимые для выполнения поставленных перед ним задач, и наделяется правом издания законов и общих постановлений. Он уполномочен входить в состав всех органов, включая высшие государственные органы и все инстанции партии, ее подразделения и примыкающие к ней союзы, и отдавать им директивные указания»⁸. В день издания этого декрета Геринг заявил Шахту, что свою задачу он видит в том, чтобы «подготовить за четыре года всю экономику к войне»⁹. Для этого он получил диктаторские полномочия, хотя, по свидетельству Шахта, его познания в области экономики были «равны нулю»¹⁰. Это обстоятельство ничуть не смущало Гитлера и других нацистских главарей, ибо они полагали, что во время войны руководство экономикой является «исключительно вопросом воли»¹¹.

Значительную роль в военно-экономической подготовке к войне, особенно в первые годы фашистской диктатуры, сыграл Имперский совет обороны, созданный еще в апреле 1933 года. Наконец, важное влияние на военно-экономическое планирование, как и на военно-техническую политику фашистской Германии, оказывали виды вооруженных сил через свои органы, особенно генеральный штаб сухопутных войск через войсковое управление вооружений. Последнее было «центральной инстанцией по технической разработке и организации производства вооружения, техники и боеприпасов» для сухопутных войск — основного вида вооруженных сил Германии¹².

Все эти ведомства, занимавшиеся подготовкой экономики фашистской Германии к войне, «замыкались» на Гитлере, который принимал решения в области военно-экономического планирования в последней инстанции. В силу этого его влияние на развитие военной экономики Германии было огромным. По свидетельству Г. Томаса, Гитлер полагал, что экономикой можно командовать, как дивизиями¹³. При этом, отмечает Б. Клейн, «его не интересовало, имеет ли Германия достаточно ресурсов, чтобы добиться одновременно многих результатов» в военно-экономической области¹⁴. Другой исследователь пишет, что Гитлер «никогда не мог понять разницы между общими решениями, определяющими будущую экономическую политику, и решениями, рассчитанными на короткий срок и имевшими намного меньшее значение для всей экономики»¹⁵. Таким образом, высшее руководство германской военной экономикой основывалось главным образом на волевых решениях. Оно было лишено профессиональных знаний, являлось, по справедлив-

⁸ «Reichsgesetzblatt», 1936, Teil I, S. 887.

⁹ «Trial of the Major German War Criminals before the International Military Tribunal at Nuremberg», Nuremberg. 1947 (далее — IMT). Vol. XXXVI. Doc. 408-EC, p. 479.

¹⁰ IMT. Vol. XIII, S. 14.

¹¹ «Военно-исторический журнал», 1964, № 12, стр. 77.

¹² E. Leeb. Aus der Rüstung des Dritten Reiches (Das Heereswaffenamt 1938—1945). Frankfurt a/M. 1958, S. 9.

¹³ Цит. по: B. Klein. Germany's Economic Preparations. Cambridge. 1959, p. 38. Г. Томас считал это большим преимуществом для Германии. «Если сегодня мы должны признать, — говорил он 24 мая 1938 г., — что у нас — именно в области экономики — еще существуют определенные слабости, сводящиеся к недостаточной глубине военного потенциала, то не будем забывать и о другом — о нашем великом преимуществе, заключающемся в волевом государственном руководстве... А где есть воля, там есть и путь!» (IMT. Vol. XXXVI, Doc. 028-EC).

¹⁴ B. Klein. Op. cit., p. 38.

¹⁵ A. Milward. The German Economy at War. L. 1965, p. 17.

вому замечанию английского экономиста Кэлдора, «в высшей степени дилетантским»¹⁶. Но при всем том оно смогло злоупотребить в разрушительных целях, в интересах подготовки к войне большим организаторским талантом немецкого народа, его производственно-техническим опытом и знаниями.

Основным органом, осуществлявшим «стыковку» военной стратегии и экономики фашистской Германии и являвшимся связующим звеном между Гитлером и военной экономикой, был военно-экономический штаб во главе с генералом Г. Томасом, переименованный 22 ноября 1939 г. в управление военной экономики и вооружений штаба ОКВ. В его функции по положению о структуре высшего руководства вооруженными силами Германии входило: составление и проведение в жизнь плана промышленного производства и поставок для вооруженных сил; распределение военного имущества между видами вооруженных сил; разработка военно-промышленного баланса во взаимодействии с другими инстанциями вермахта; централизованное решение вопросов военного производства, включая обеспечение рабочей силой, и удовлетворение материальных и транспортных нужд; закрепление предприятий за видами вооруженных сил; урегулирование военно-экономических проблем в зоне военных действий; оценка собственного военно-экономического положения, а также положения за рубежом и в союзных странах; разработка указаний для ведения экономической войны. Кроме того, задачей управления военной экономики являлась выработка рекомендаций по распределению сырья между видами вооруженных сил и подготовка исходных данных для принятия решений Гитлером¹⁷.

Следовательно, управление военной экономики являлось своего рода военно-экономическим генеральным штабом фашистской Германии. Это был один из важнейших органов германского милитаризма, где разрабатывались теория и практика подготовки и обеспечения войны в экономическом отношении. Не случайно западногерманский экономист Г. Керл отмечает: «Все планирование, в том числе и в области промышленности, находилось преимущественно в руках представителей вооруженных сил. Таким образом, первые хозяйственные планы составляли не хозяйственники, а солдаты»¹⁸.

В годы войны аппарат управления военной экономики только в Берлине, не учитывая низовых организаций, насчитывал 1 000—1 200 человек¹⁹. Среди них было большое число представителей германских монополий, занимавших в управлении ответственные посты. Крупные промышленники, работавшие в управлении военной экономики, а также в аппарате уполномоченного по четырехлетнему плану и в министерстве экономики, «часто не только сохраняли свои позиции в промышленности, но и были проводниками своих промышленных интересов внутри этих ведомств»²⁰. Они оказывали большое влияние на направленность мероприятий по развертыванию военной экономики фашистской Германии.

Для отработки проблем военно-промышленной мобилизации и организации военной экономики в 1936 и 1937 гг. военно-экономический штаб провел специальные «военно-экономические учения» и военные игры, в которых участвовали руководители вермахта, представители высших государственных органов, промышленных и финансовых кругов фашистской Германии. На разборе военно-экономической игры 1937 г. генерал Г. Томас говорил: «Цель этой военной игры была двойкой. Во-первых,

¹⁶ N. Kaldor. The German War Economy. Manchester. 1946, p. 2.

¹⁷ «Das Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht». Bd. I. Frankfurt a/M. 1965, S. 892—896.

¹⁸ «Итоги второй мировой войны» (перевод с немецкого). М. 1957, стр. 365.

¹⁹ A. Milward. Op. cit., p. 25.

²⁰ B. Klein. Op. cit., p. 38.

всем участникам должно было быть продемонстрировано, как в тотальной войне деятельность военных зависит от экономических факторов и, наоборот, как экономика полностью зависит от военных событий. Требовалось показать, что военные и промышленники должны разумно взаимодействовать, чтобы выполнить в тотальной войне задачи, которые будут нам поставлены. Вторая цель учений состояла в том, чтобы установить, способны ли нынешние органы военной экономики внутри военного министерства и в аппарате генерального уполномоченного обеспечить необходимое взаимодействие»²¹.

Система взглядов гитлеровского руководства, определившая характер и содержание военно-экономического планирования, сложилась на основе учета (весьма одностороннего и далекого от реальности) целого ряда факторов: внутривнутриполитического и внешнеполитического положения Германии, характера и целей войны, наличных производственных мощностей, сырьевых и продовольственных ресурсов, рабочей силы, времени и средств, необходимых для перевода экономики на военные рельсы, военного потенциала противника. Одновременное развертывание крупных вооруженных сил, большое расширение производственных мощностей военной промышленности, развитие новых важных в военном отношении отраслей производства и создание крупных резервов продовольствия и стратегического сырья было в финансовом и экономическом отношении не под силу германскому империализму. Поэтому перед гитлеровским руководством возникла проблема «найти возможности и найти приемлемый путь подготовки к войне, который бы в наибольшей степени отвечал сильным и слабым сторонам экономики фашистской Германии и соответствовал ее стратегической концепции. Этот путь определился в главных чертах к середине 30-х годов.

В основу подготовки военной экономики к агрессии были положены принципы «молниеносной» войны. В политическом отношении «блицкриг», как надеялись германские милитаристы, мог избавить фашистскую Германию от тяжелых социальных потрясений, с которыми была связана затяжная война. Это обстоятельство отмечают даже многие буржуазные исследователи. Так, Милвард пишет: «Блицкриг был способом ведения войны, позволяющим избежать тяготы, которые угрожали лечь на плечи гражданского населения. Длительная война 1914—1918 гг. принесла с собой катастрофическое экономическое бремя для многих ее участников. Основывая военную стратегию на скоротечной войне, внезапно начинаемой и оканчивающейся быстрой победой, [немцы] надеялись избежать провалов первой мировой войны»²². Уже самая подготовка к агрессии, осуществляемой серией «молниеносных» войн, не требовала таких длительных экономических лишений от гражданского населения, какие повлекла бы за собой подготовка экономики к затяжной войне.

Несмотря на то, что германскому фашизму удалось разгромить внутри страны массовые политические организации рабочего класса, уничтожить все оппозиционные партии и установить террористическую диктатуру, призраком революционных выступлений недавнего прошлого, боязнь широкого недовольства населения чрезмерным «экономическим прессом» в определенной степени сдерживали темпы и масштабы военно-экономической подготовки правящих кругов фашистской Германии к войне.

Решающую роль в принятии курса на создание экономики «блицкрига» сыграли экономические причины. Крупным производственным мощностям германской военной промышленности противостояла бедность или полное отсутствие в фашистской Германии сырья, необходимого для

²¹ IMT. Vol. XXXVI, Doc. 174-EC.

²² A. Milward. Op. cit., p. 8.

производства вооружения и военной техники (железной руды, хрома, никеля, вольфрама, молибдена, марганцевой руды, свинца, цинка). Немецкая промышленность не зависела от импорта только в отношении угля и азота. Другим узким местом, делавшим для германского империализма затяжную войну нежелательной, опасной и бесперспективной, являлась низкая обеспеченность нефтью, а также недостаточная продовольственная база. По этим видам ресурсов фашистская Германия находилась в большой зависимости от внешних рынков, доступ к которым в случае войны мог оказаться закрытым. К этим факторам прибавлялись еще ограниченность людских ресурсов и напряженное финансовое положение Германии, нехватка валюты для закупки стратегического сырья и капиталов для финансирования милитаризации. Наконец, важное значение имел фактор времени. Одно дело — обеспечить быстро растущий вермахт вооружением, используя для этого уже достаточно мощную военную промышленность Германии, на что не требовалось слишком много времени, и другое — расширять планомерно военную промышленность путем долгосрочных вложений, строительства новых предприятий.

Основные взгляды нацистского руководства на задачи, характер и направленность военно-экономического планирования изложены в меморандуме Гитлера от августа 1936 года. Меморандум был передан Герингу и Бломбергу²³ и послужил обоснованием для принятия 9 сентября 1936 г. четырехлетнего плана подготовки к войне. Во многих отношениях этот меморандум повторяет упоминавшуюся выше памятную записку «ИГ Фарбен» от марта 1935 года. Гитлер поставил задачу подготовить за четыре года экономику и вооруженные силы к войне. Все должно было быть подчинено главной цели подготовительного периода — превращению вермахта в орудие агрессии. Ради этого гитлеровцы вынуждены были пренебречь рядом аспектов экономической подготовки к войне, в том числе накоплением больших запасов сырья, крупными капиталовложениями в промышленность с целью значительного расширения базы военного производства. «Я должен здесь категорически выступить против представления, — писал Гитлер в меморандуме, — что за счет национального вооружения, то есть путем ограничения производства оружия и боеприпасов, можно создать «запасы» сырья, которыми Германия сможет воспользоваться в случае войны. Подобные представления основываются на нынешнем непонимании — если не сказать резче — стоящих перед нами задач и военных потребностей... Было бы все же лучше, чтобы нация начала войну, не имея ни одного килограмма запасов меди, но имея полные склады боеприпасов, нежели имея на складах вместо боеприпасов так называемое экономленное сырье»²⁴.

Так гитлеровское руководство вынуждено было избрать путь, который генерал Томас определил как «вооружение вширь», направив главные усилия, материальные и финансовые средства на резкое увеличение числа соединений видов вооруженных сил и их оснащение оружием и боевой техникой. При этом должны были максимально использоваться наличные производственные мощности военной промышленности посредством рационализации и интенсификации производства. «Вооружение вглубь», то есть существенное расширение базы военной промышленности, создание запасов сырья, повышение производства и накопление предметов тылового обеспечения, отошло на второй план.

Принимая такой курс, гитлеровские руководители рассчитывали на широкие возможности германской военной промышленности, создан-

²³ W. Treue, G. Frede. Wirtschaft und Politik 1939—1945. Beiträge zur Geschichte der jüngsten Vergangenheit. Heft 4. Hannover. 1952, S. 42.

²⁴ См. «Военно-исторический журнал», 1964, № 12, стр. 77.

ные уже к моменту захвата власти фашизмом в результате скрытой милитаризации в веймарский период и крупной финансовой поддержки американских и английских монополий (план Дауэса, план Юнга и др.). Альфред Крупп заявил в 1944 г.: «Уникальная заслуга всей германской промышленности состоит в том, что она в эти суровые годы (1919—1933.— В. Д.) не бездействовала, хотя ее активность по известным соображениям была скрыта от глаз общественности. Многолетним незаметным трудом были созданы научные и деловые предпосылки, чтобы в назначенный час без потери времени и опыта снова приступить к работе в интересах вермахта империи»²⁵. В 1936 г. Германия являлась второй индустриальной державой мира после США. Уже к этому времени она производила 15,3 млн. т железного проката и 19,2 млн. т стали, что составляло соответственно 16,7% и 15,5% мирового производства. Ведущее место в структуре германской промышленности в 1936 г. занимали отрасли, производящие средства производства. Их доля в промышленной продукции превышала 66%²⁶. Они составляли основу военно-экономического потенциала Германии.

Политика «вооружения вширь» тесно связывалась со стратегией «блицкрига», преследовавшей цель молниеносно сокращать противников поодиночке, избежать длительной войны с коалицией держав, не дать им возможности объединить свои усилия и экономические ресурсы для затяжной борьбы, которую Германия не могла выдержать. Военно-политическое руководство фашистской Германии надеялось, что в ходе «блицкрига» слабости «вооружения вширь» будут компенсированы наращиванием военного потенциала и увеличением сырьевых и продовольственных ресурсов германского империализма посредством захватов в Европе, с тем чтобы подготовиться к решающему столкновению с основными противниками Германии на европейском континенте, в первую очередь с СССР. «Окончательное решение проблемы,—писал Гитлер в упомянутом меморандуме,—состоит в расширении жизненного пространства, а также в расширении сырьевой и продовольственной базы нашего народа»²⁷. В одном из решений Имперского совета обороны от 1939 г. требовалось, чтобы все необходимые потребности вермахта удовлетворялись «за счет стран, которые будут оккупированы»²⁸. Эта установка нашла отражение во многих документах гитлеровского руководства. Так, в период подготовки нападения на Францию Гальдер записал в дневнике (29 сентября 1939 г.): «В Германии ежемесячно не хватает 600 тыс. тонн стали. Срочно необходимо удовлетворить требования вооруженных сил... Снабжение горючим—снабжение железом». Здесь Гальдер сделал на полях знаменательную пометку: «Последнее зависит от победы на Западе»²⁹.

«Вооружение вширь» должно было сочетаться с проведением политики автаркии в обеспечении теми видами сырья, которые были жизненно необходимы для ведения войны. Гитлер требовал в меморандуме, «чтобы отныне с железной решимостью осуществлялось стопроцентное самоснабжение во всех областях, в которых это возможно...»³⁰. К таким областям руководители фашистской Германии причисляли прежде всего добычу железной руды, производство синтетических материалов (горючего, масел, каучука). Одна из основных целей четырехлетнего плана состояла в том, чтобы добиться производства этих видов сырья в количествах, достаточных для обеспечения молниеносных актов агрессии.

²⁵ IMT. Vol. XXXV, p. 68.

²⁶ «Statistisches Handbuch von Deutschland, 1928—1944». München. 1949. S. 292.
«Промышленность Германии в период войны 1939—1945 гг.». М. 1956, стр. 20.

²⁷ См. «Военно-исторический журнал», 1964, № 12, стр. 77.

²⁸ IMT. Vol. XXXII, Doc. 3562-PS, p. 402.

²⁹ Ф. Гальдер. Военный дневник. Т. I. М. 1968, стр. 141.

³⁰ «Военно-исторический журнал», 1964, № 12, стр. 79.

Далее, «вооружение вширь» позволяло гитлеровцам добиться известного выигрыша во времени, ибо не требовало серьезной перестройки, реконструкции промышленности, обновления и расширения ее мощностей, что было сопряжено с длительными мероприятиями и крупными капиталовложениями. Самым крайним сроком решения вопроса о жизненном пространстве фашистской Германии клика Гитлера считала 1943—1945 годы. К 1939 г. она намеревалась подготовить страну к большой европейской войне. До этого должны были быть осуществлены предварительные этапы агрессии (захват Австрии, Чехословакии). Поспешность в развязывании войны Гитлер мотивировал так: «С одной стороны, имеются мощные вооруженные силы, которые необходимо поддерживать на должном уровне, и происходит процесс старения движения (нацистского.— В. Д.) и его вождей. С другой стороны, у нас в перспективе снижение жизненного уровня и ограничение рождаемости. Все это не оставляет иного выбора, как действовать». Кроме того, нацистское руководство считало, что остальной мир, «ожидая удара» фашистской Германии, «из года в год предпринимает все более решительные контрмеры», становится относительно сильнее, что фактор времени — на стороне противников Германии³¹. В мае 1938 г. генерал Томас заявил на конфиденциальном совещании: «Западные державы благодаря крупным военно-промышленным масштабам своей экономики смогут ликвидировать отставание от Германии в военном потенциале за 1—1,5 года. Объединенная великая экономическая мощь держав Англии, США, Франции — если проводить сравнение с учетом длительных периодов времени — выше, чем экономическая мощь держав оси, а в процессе гонки вооружений великие державы Запада не будут встречаться с теми трудностями, которые всегда будут стоять перед Германией и Италией ввиду недостатка людских и сырьевых ресурсов». Вместе с тем Томас считал: «В области наращивания чисто военных средств мы, пожалуй, сможем еще какое-то время сохранять достигнутое превосходство»³².

Наконец, «вооружение вширь» устраивало германских промышленников, ибо оно в отличие от дорогостоящих мероприятий по созданию новых мощностей приносило немедленные результаты в виде громадных прибылей. И в социальном отношении оно было менее опасным для правящих кругов фашистской Германии, ибо позволяло избежать чрезмерного экономического бремени для населения.

Итак, центральным пунктом военно-экономической подготовки фашистской Германии к войне было максимально возможное и быстрое повышение производства готового вооружения и боевой техники для создания многократного превосходства вермахта — пусть даже кратковременного — над противником, чтобы молниеносно сокрушить его. Военно-экономические мероприятия гитлеровцев были рассчитаны на быстрый эффект. Все, что могло принести военно-экономические результаты — пусть даже фундаментального характера — в отдаленном будущем, признавалось ненужным. Военная экономика настраивалась и работала на потребу дня, на обеспечение «молниеносных» побед. Предполагалось придать ей высокую степень гибкости, оперативности, чтобы она могла быстро реагировать на повороты политики и военной стратегии, иметь способность перестраивать военное производство в короткие сроки в соответствии с изменяющимися требованиями, обусловленными характером противостоящей страны (акцентирование на сухопутное, военно-воздушное или военно-морское вооружение или их комбинацию в нужных пропорциях — так называемая система приоритетов).

³¹ IMT. Vol. XXV, Doc. 386-PS.

³² IMT. Vol. XXXVI, Doc. 028-EC.

Вся военно-экономическая система германского империализма строилась, следовательно, на одной предпосылке — что вермахт будет одерживать только быстрые победы, иметь одни успехи. Неудачи, поражения, связанные с потерей темпов в войне, грозившие придать ей затяжной характер, когда решающее значение приобретают экономические факторы длительного действия, могли поставить экономику фашистской Германии в исключительно тяжелое положение. Именно поэтому германский империализм ставил все на одну карту. Иного пути достижения агрессивных целей он не видел. Трудно планировать войну, говорилось в памятной записке ОКВ от 19 апреля 1938 г., если «надо из многих зол выбирать меньшее, если одеяло повсюду коротко и невозможно полностью удовлетворить требования и запросы вооруженных сил ни по одной статье...»³³. Это особенно наглядно видно, если рассмотреть отдельные отрасли германского производства, жизненно необходимые для ведения войны.

Черные металлы, как «ведущее сырье», определяли не только объем всей продукции промышленности, в том числе военной, но и размеры капиталовложений. Главным лимитирующим фактором в их производстве являлась бедность Германии в железной руде. Около 80% руды приходилось ввозить из-за границы. Чтобы в какой-то степени уменьшить эту зависимость от иностранных рынков, Томас внес в 1934 г. предложение создать новую металлургическую базу в Зальцгиттере на основе железных руд Гарца (правда, с низким содержанием железа — 30% по сравнению с 60% шведской и 40% французской рудой). Вначале этот проект не встретил одобрения. Гитлер считал, что сооружение новых металлургических заводов поглотит в течение ряда лет большую часть выплавляемой стали, нужной для производства вооружения. Промышленников пугала высокая себестоимость стали на бедных рудах. Но все же военные соображения взяли верх. Четырехлетним планом предусматривалось осуществление проекта Томаса. Геринг поставил в 1936 г. перед промышленниками задачу повысить добычу железной руды на 10—11 млн. тонн. Фашистское государство взяло на себя финансирование строительства заводов в Зальцгиттере и Ватенштедте. С этой целью в 1937 г. был создан концерн горнодобывающей и сталелитейной промышленности «Герман Геринг» с капиталом 400 млн. марок. По четырехлетнему плану предусматривалось, что через четыре года он достигнет мощности 4 млн. т чугуна и 4 млн. т стали в год. К 1944 г. планировалось довести добычу руды в Зальцгиттере до 24 млн. т, а в Южной Германии — до 6 млн. т в год. Общее производство стали должно было повыситься до 30 млн. тонн. Но эти планы так и не были выполнены (в 1941 г. в Зальцгиттере добывалось 3,4 млн. т, а в 1942 г. — 4,2 млн. т руды, то есть 30% количества, предусмотренного четырехлетним планом; в 1942 г. в Ватенштедте производилось 1 млн. т чугуна — одна четверть запланированного количества³⁴). В результате этих мероприятий, проводившихся на базе государственно-монополистического капитализма, фашистской Германии удалось довести добычу железной руды в 1938 г. до 12,3 млн. т по сравнению с 6,3 млн. т в 1929 г., выплавку стали до 22,6 млн. т против 14,3 млн. т в 1928 г. и чугуна — до 18 млн. т против 11,8 млн. т в 1928 году³⁵. Кроме того, с захватом Австрии и Чехословакии она увеличила мощности сталелитейной промышленности еще на 3 млн. т стали в год. Зависимость Германии от ввоза железной руды снизилась до 45% в 1939 году³⁶. Но

³³ «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М. 1967, стр. 69.

³⁴ В. Klein. Op. cit., pp. 42—44.

³⁵ «Statistisches Handbuch von Deutschland, 1928—1944», S. 283, 292.

³⁶ G. Thomas. Op. cit., S. 146. По другим данным производство стали в Германии на 65% зависело от иностранного сырья (В. Klein. Op. cit., p. 56).

автаркии в этой области гитлеровскому руководству тем не менее добиться не удалось. Только из Швеции импорт железной руды возрос с 2,2 млн. т в 1933 г. до 10 млн. т в 1939 году³⁷.

Несмотря на значительный рост выплавки стали, ее не хватало для удовлетворения нужд военной промышленности. Основным ее потребителем был вермахт. В предвоенные годы он поглощал 40% выплавляемой стали, которая шла главным образом на изготовление вооружения. На базе роста производства стали планировалось обеспечить развертывание к 1939 г. 100 дивизий, а к 1942 г. еще 80 дивизий. 30% стали использовалось для других военных и полувоенных целей (строительство военных объектов, дорог и пр.). В гражданский сектор шло 30% стали³⁸. Таким образом, производство стали в Германии соответствовало немецко-фашистской концепции «блицкрига». Полного удовлетворения потребности стали гитлеровцы надеялись добиться после захвата предприятий стран Европы.

Большое значение руководство фашистской Германии придавало увеличению производства цветных металлов, в частности алюминия, необходимого для самолетостроения. Мощности германской алюминиевой промышленности выросли с 33,3 тыс. т в 1929 г. до 165,6 тыс. т в 1938 г. и 199 тыс. т в 1939 г.—на 40 тыс. т больше, чем предусматривалось четырехлетним планом. Производство алюминия в еще большей степени, чем выплавка стали, зависело от иностранного сырья. Несмотря на то, что добыча бокситов в Германии увеличилась с 7 тыс. т в 1929 г. до 104 тыс. т в 1939 г., она обеспечивала лишь 10% потребностей. Остальное сырье ввозилось из Венгрии, Югославии, Румынии и Италии. В 1939 г. в связи с валютными трудностями 20% потребностей в бокситах остались неудовлетворенными. По другим металлам, важным для военного производства, зависимость Германии от внешних рынков была еще большей. На конец 1939 г. запасы важнейших цветных и легких металлов в среднем могли обеспечить лишь годовую потребность промышленности, а по отдельным видам и того менее (так, магния могло хватить на четыре месяца, меди — на семь)³⁹.

Каменного угля, этого важнейшего сырья для синтетической промышленности, энергетики и транспорта, Германия добывала в 1939 г. 199,2 млн. т, то есть всего на 20 млн. т больше, чем в 1929 году⁴⁰. К началу войны мощности каменноугольной промышленности были исчерпаны. Их расширение в предшествующие годы лимитировалось нехваткой стали, цемента и прочих материалов⁴¹. В свою очередь, это сдерживало рост производства синтетических продуктов.

Бедность в природной нефти фашистская Германия надеялась компенсировать производством синтетического топлива. Четырехлетним планом намечалось довести производство горючего до 3,9 млн. т в 1939 г. и 4,7 млн. т в 1940 году. Для этого было начато строительство десяти заводов синтетического горючего общей стоимостью 1150 млн. марок. Однако к 1939 г. четырехлетний план оказался невыполненным по горюче-смазочным материалам на 40%⁴². Производство нефтепродуктов в Германии не покрывало даже 40% ее потребления в последний

³⁷ И. М. Файнгар. Очерк развития германского монополистического капитала. М. 1958, стр. 247.

³⁸ «The Effects of Strategic Bombing on the German War Economy». Washington. 1946, p. 20.

³⁹ «Statistisches Handbuch von Deutschland, 1928—1944», S. 295; B. Klein. Op. cit., p. 67; «The Effects of Strategic Bombing on the German War Economy», pp. 263, 268. Клейн приводит такие данные об обеспеченности потребления на август 1939 г.: по алюминию — 5,5; магнию — 20; меди — 4,5; свинцу — 9; никелю — 6; молибдену — 17; хрому — 8; вольфраму — 11 месяцев (B. Klein. Op. cit., pp. 37, 58).

⁴⁰ И. М. Файнгар. Указ. соч., стр. 250.

⁴¹ «The Effects of Strategic Bombing on the German War Economy», p. 21.

⁴² B. Klein. Op. cit., pp. 39, 40.

предвоенный год⁴³. По настоянию военно-экономического штаба в 1938 г. началась разработка нового, более широкого плана производства синтетического горючего, а также взрывчатых и отравляющих веществ. Геринг поставил задачу увеличить к началу 1944 г. производство горючего до 11 млн. тонн. 12 июля 1938 г. этот план, получивший название «Каринхаль», был утвержден. Ответственным за его выполнение назначили генерального директора концерна «ИГ Фарбен-индустри» Крауха. К началу войны в Германии действовало 14 предприятий синтетического горючего и 6 находилось в стадии строительства. Но мощности этих предприятий могли удовлетворить лишь небольшую часть потребностей. К августу 1939 г. фашистская Германия имела минимальные запасы нефтепродуктов: авиационного бензина — на 4,8 месяца, моторного топлива — на 3,5 месяца, дизельного топлива — на 4,9 месяца⁴⁴. Такое положение с горючим в век «войны моторов» чрезвычайно лимитировало для германского милитаризма время проведения отдельных актов агрессии. Осечки исключались. Образно говоря, в ружье вермахта вкладывалась одна пуля, которая должна была попасть в цель. Проблему обеспечения горючим гитлеровцы надеялись решить путем захвата источников и запасов нефти в других странах.

По другим важнейшим синтетическим материалам положение Германии было не лучше. Четырехлетний план предусматривал значительное увеличение производства синтетического каучука путем строительства трех заводов в дополнение к существовавшему в Левкерузене. В 1937 г. началось строительство завода в Шкопау, а в 1938 г. — в Хюльсе. Строительство третьего завода смогли начать лишь в 1940 году. В 1939 г. производство синтетической резины составило около 22 тыс. тонн. К началу войны запасов каучука в Германии было на пять-шесть месяцев, а его производство покрывало 30% потребностей.

Производство пороха по плану «Каринхаль» намечалось к 1 октября 1940 г. довести до 12 тыс. т, взрывчатых веществ — до 19 тыс. т, отравляющих веществ — до 4 тыс. т в месяц. Однако к началу войны предусмотренные цифры не были достигнуты, как пишет генерал Томас, «вследствие отсутствия валюты для закупки машин, недостаточного обеспечения сырьем и нехватки рабочей силы». Это явилось одной из причин того, что к сентябрю 1939 г. основные виды пехотного оружия имели шестинедельный запас боеприпасов вместо четырехмесячного по нормам генерального штаба сухопутных войск, который требовался для обеспечения боевых действий до тех пор, пока не начнутся массовые поставки из военной промышленности. Военно-воздушные силы имели запас бомб на три месяца⁴⁵. В целом запасов сырья всех видов у Германии в 1939 г. могло хватить на девять — двенадцать месяцев войны. В одной из докладных записок довоенного времени Томас писал, что за сырье в Германии «бушует война всех против всех»⁴⁶. Все это было следствием одностороннего развития германской экономики, экономической политики «вооружения вширь», направленной на обеспечение нужд «молниеносной» войны.

⁴³ W. Birkenfeld. Op. cit., S. 218—219.

⁴⁴ G. Thomas. Op. cit., S. 143; B. Klein. Op. cit., pp. 39, 40, 58.

⁴⁵ «Nazi Conspiracy and Aggression». Vol. I. Washington. 1948, pp. 350—352; B. Klein. Op. cit., p. 45; G. Thomas. Op. cit., S. 143, 146, 149—150; Б. Мюллер-Гиллебранд. Сухопутная армия Германии. 1933—1945. Т. I. М. 1956, стр. 161.

⁴⁶ G. Thomas. Op. cit., S. 23, 146. В этой связи любопытно следующее высказывание Гитлера об автаркии, относящееся к более позднему времени и записанное 20 июля 1941 г. Томасом со слов Тодта: «Нижеследующее новое мнение фюрера сообщил мне сегодня министр Тодт... Ход войны показал, что мы в наших стремлениях к автаркии зашли слишком далеко. Невозможно все, что у нас отсутствует, получить с помощью производства синтетических материалов или другими мероприятиями... Надо идти иным путем. Следует захватить то, что нужно нам и чего мы не имеем» (IMT. Vol. XXVII, Doc. PS-1456, p. 220).

Опыт первой мировой войны, в конце которой Германия оказалась на грани голода, заставил нацистов уделить большое внимание подготовке войны в продовольственном отношении. С 1932 по 1939 г. сельскохозяйственное производство Германии увеличилось на 20% без расширения посевных площадей и несмотря на сокращение рабочей силы, занятой в сельском хозяйстве. К 1939 г. в Германии были созданы резервы зерна в 6—6,5 млн. т и жиров в 500—600 тыс. тонн. В стоимостном выражении ее зависимость от ввоза продовольствия из-за границы составляла 20%, а по жирам — до 50%. В случае войны предусматривалось сократить потребление мяса на 68%, а жиров — на 57% по сравнению с уровнем мирного времени⁴⁷. Следовательно, и продовольственное положение не позволяло Германии вести длительную войну. Решение продовольственной проблемы ее правящие круги видели в захвате продовольственных ресурсов соседних стран, главным образом Восточной Европы.

Обеспечение рабочей силой было также узким местом экономики Германии. Количество занятых рабочих и служащих в стране сократилось с 1939 по 1940 г. в связи с развертыванием вооруженных сил с 39,4 до 36 млн. человек, то есть на 3,4 млн., из них 2,2 млн. приходилось на промышленность и транспорт. Этим, в частности, объяснялось падение германского промышленного производства в 1940 г. на 4% по сравнению с 1939 годом⁴⁸. Решения проблемы рабочей силы германские империалисты также надеялись добиться в ходе захвата людских ресурсов европейских стран.

Таковы основные объективные причины, заставившие гитлеровцев готовиться к «блицкригу» и бросить основные финансовые и материальные средства на производство готового вооружения и развертывание крупных вооруженных сил.

По словам генерала Томаса, уже в 1934—1935 гг. «машина военного производства» Германии «была запущена на полный ход»⁴⁹. С 1933 по 1939 г. германское военное производство увеличилось более чем в 12 раз.

О характере военно-промышленной подготовки фашистской Германии к войне красноречиво говорят такие цифры: из 91 млрд. марок, вложенных в 1933—1939 гг. в немецкое народное хозяйство, инвестиции в промышленность составили 16,4 млрд. марок, или 18%. А за вычетом амортизационных отчислений сумма, пошедшая на расширение производственных мощностей, оценивается в 4,5—5 млрд. марок. Эта цифра выглядит весьма скромной по сравнению с 47 млрд. марок, которые были израсходованы за тот же период на вооружение и армию. Основные средства вкладывались в производство средств производства, которое с 1932 по 1939 г. утроилось. Наряду со сталелитейной промышленностью значительные инвестиции направлялись на расширение станкостроения. С 1933 по 1939 г. станочный парк Германии вырос с 1,2 до 1,6 млн. единиц, выйдя на первое место в мире⁵⁰. В отличие от американского он состоял главным образом из универсальных станков, позволявших осуществлять быстрый переход на военное производство. Большие капиталовложения делались в синтетическую промышленность и в расширение энергетической базы. Но все же рост объема промышленной продукции Германии, составлявший в 1936—1939 гг. 27%, происходил не столько благодаря вводу новых мощностей, сколько в результате интенсификации и рационализации производства.

⁴⁷ G. Thomas. Op. cit., S. 146.

⁴⁸ «Промышленность Германии в период войны 1939—1945 гг.», стр. 39, 191.

⁴⁹ IMT. Vol. XXXVI. Doc. 028-EC.

⁵⁰ И. М. Файнгар. Указ. соч., стр. 261, 265; «Промышленность Германии в период войны 1939—1945 гг.», стр. 30—32.

При исследовании военно-экономического планирования фашистской Германии бросается в глаза характерная особенность: в подготовку к войне, которая должна была завершиться к 1939 г., вкладывались силы и средства, намного превышавшие возможности страны, невзирая на то, что это могло поставить ее к концу данного срока на грань финансового и экономического кризиса. Это особенно ярко видно на примере финансирования военных приготовлений. Для этих целей фашистское государство широко использовало не только налоги, пошлины, займы, эмиссию бумажных денег и т. д., но и грандиозные финансовые аферы. Одной из таких афер явилось махинации с так называемыми мефо-векселями, которые выпускало фиктивное акционерное общество «Металь-Форшунг АГ» («Мефо»). Они не имели никакой ценности, но гарантировались государством и принимались германскими банками. В 1934—1937 бюджетных годах на финансирование производства вооружений были выданы мефо-векселя на сумму 12 млрд. марок. Из них до начала войны была погашена малая часть (1,5 млрд. марок)⁵¹. С мая 1939 г. начался выпуск других фиктивных бумаг — так называемых «налоговых ордеров» (по «Новому финансовому плану») ⁵². С марта 1933 по март 1939 г. кликой Гитлера были размещены долгосрочные государственные займы на сумму 15 млрд. марок. За это же время поступления в годовой бюджет за счет налогов и пошлин возросли с 6,8 до 17,7 млрд. марок ⁵³.

В западногерманских исследованиях приводятся следующие данные об основных источниках поступлений средств в государственный бюджет и на финансирование военных приготовлений Германии в 1933—1939 гг. (в млрд. марок): налоги, пошлины и пр.—81,8; афера с мефо-векселями — 10,5; выпуск «налоговых ордеров» — 3,1; размещение краткосрочных займов — 6,9; размещение долгосрочных займов — 16,7. Всего — 119 млрд. марок. Кроме того, для этих целей использовалась эмиссия денежных знаков. С 1933 по 1939 г. сумма находившихся в обращении банкнот увеличилась с 3 617 до 10 995 млн. марок ⁵⁴.

Все эти мероприятия гитлеровского руководства поставили Германию в исключительно тяжелое финансовое положение. Ее государственный долг, обусловленный непосредственно политикой вооружений, возрос с 12,8 млрд. марок в марте 1938 г. до 48 млрд. марок в августе 1939 года. «Особенность долга, — отмечал западногерманский исследователь Федеркау, — заключалась не столько в его размерах, сколько в темпах его роста и методах финансирования. Этот темп был опасным, а легкость, с которой государством распоряжалось капиталом сберегательных касс, сомнительной. Очень многие люди, сами того не сознавая, стали кредиторами государства. Поскольку они являлись всего лишь посредствующими кредиторами (через сберкассы и прочие финансовые учреждения), применявшийся государством метод финансирования был не только бесшумным, но и незаметным» ⁵⁵. Уже в 1937 г. в Германии появились признаки инфляции.

К началу 1939 г. положение стало настолько серьезным, что это дало повод директорату рейхсбанка в лице Шахта, Дрейзе, Блессинга

⁵¹ F. Federkau. Der Zweite Weltkrieg. Seine Finanzierung in Deutschland. Tübingen. 1962. S. 18; см. также В. Т. Фомин. Агрессия фашистской Германии в Европе 1933—1939 гг. М. 1963, стр. 74.

⁵² Другим надувательством в государственном масштабе было строительство на «добровольные» вклады населения автомобильного предприятия «Фольксваген». К 1939 г. эти вклады составили 285 млн. марок. Вкладчикам обещали, что они получат в собственность автомобиль-малолитражку. Вместо этого заводы «Фольксваген» стали выпускать боевую технику (G. Stolper. Deutsche Wirtschaft seit 1870. Tübingen. 1964, S. 176).

⁵³ F. Federkau. Op. cit., S. 18—20.

⁵⁴ «Statistisches Handbuch von Deutschland, 1928—1944», S. 505.

⁵⁵ F. Federkau. Op. cit., S. 14, 19, 20.

и других обратиться 7 января к главе имперской канцелярии с посланием, в котором, в частности, говорилось: «Рейхсбанк уже давно указывал на опасность, возникающую для валюты в связи с перенапряжением государственных расходов и получением краткосрочных кредитов. К концу 1938 г. валютное и финансовое положение достигло такой опасной точки, что мы обязаны просить мероприятий, которые бы помогли справиться с угрожающей опасностью инфляции». В мае 1938 г. генерал Томас с тревогой предупреждал руководителей германского министерства иностранных дел: «К моменту вступления в войну характерным признаком нашей внутренней обстановки будет крайнее ослабление материальных и психологических пружин германской экономики из-за перенапряжения предшествующего времени»⁵⁶.

Так экономическая политика гитлеровцев по подготовке к войне самым губительным образом отражалась на хозяйственном положении страны, вела к обострению всех внутренних противоречий в Германии, угрожала тяжелыми последствиями для самих правящих кругов. Фактически они были поставлены перед выбором: либо кризис, либо война. «Гитлеровский фашизм,— отмечал В. Ульбрихт,— поощрял развитие военной промышленности и в то же время душил промышленность, производящую товары широкого потребления. Тем самым он придавал экономике одностороннее развитие, накапливая, с одной стороны, военную продукцию, в то время как, с другой стороны, народу не хватало самых необходимых предметов потребления. Это должно было привести или к кризису, или же накопленная военная продукция должна была использоваться по своему непосредственному назначению, а это означало войну»⁵⁷. Это заключение можно проиллюстрировать признанием Гитлера в его выступлении перед руководителями вермахта 22 августа 1939 г.: «Наше экономическое положение в результате ограничений таково, что мы сможем продержаться еще лишь несколько лет. Геринг может подтвердить это. Нам не остается ничего иного, как действовать»⁵⁸. Несостоятельными в связи с этим можно признать утверждения многих буржуазных экономистов и историков о том, будто германский фашизм использовал далеко не все возможности Германии для экономической подготовки к войне. Так, английский экономист Кэлдор пишет: «Наиболее важный вывод, вытекающий из этого исследования (экономики Германии в 1933—1939 гг.— В. Д.), состоит в том, что картина германских военных усилий, которая завладела воображением союзников, была в большой степени неверной. Германия не вела «тотальной войны». Вопреки всей болтовне пропаганды, она не сделала серьезной попытки полностью использовать свой собственный военный потенциал, за исключением короткого времени в августе и сентябре 1944 г., когда было уже слишком поздно, чтобы добиться каких-то результатов»⁵⁹. Этой точки зрения придерживаются также авторы американского исследования германской военной экономики Дж. Гэлбрейт, П. Бэрон, Дж. Кейвин, Э. Деннис и др. Они пишут: «Нет сомнения в том, что Германия слишком поздно начала перевод своей экономики на военные рельсы. Если бы немецкие руководители решили сделать максимальные военные усилия в 1939 г. вместо 1942 г., у них бы было время предпринять вооружение вглубь, то есть заложить фундамент военной экономики расширением ее основных отраслей и созданием оборудования для массового производства вооружения». Это мнение выражают в своих исследованиях и другие буржуазные экономисты — Б. Клейн, Э. Вальтер, В. Бернгардт,

⁵⁶ IMT. Vol. XXXVI. Doc. 028-EC; Doc. 369-EC.

⁵⁷ В. Ульбрихт. Избранные статьи и речи. М. 1961, стр. 40.

⁵⁸ IMT. Vol. XXVI. Doc. 798-PS.

⁵⁹ N. Kaldor. Op. cit., p. 2.

Г. Керл⁶⁰. На тех же позициях стоят бывшие генералы вермахта. Так, бывший фельдмаршал Кессельринг утверждает, что главной ошибкой Германии было то, что она не начала уже в 1939 г. «тотальную войну» и не использовала для этого во всю ширь возможности военной экономики. «Даже несведущий человек,—пишет он,—может себе представить, как это увеличение производства, которое было бы возможным при развязывании «тотальной войны» в 1939 г., самое позднее в 1942 г., повлияло бы на оперативно-стратегическое ведение войны». В таком случае, заключает он, была бы выиграна битва за Англию, взята Москва и война приняла бы для Германии совсем другой оборот⁶¹.

Родоначальником этой версии является сам глава военно-экономического управления ОКВ генерал Томас. В написанной им в 1944 г. и изданной в 1966 г. в ФРГ книге «Основа истории немецкой военной экономики» он, противопоставляя позицию подчиненного ему ведомства Гитлеру, утверждал: «С начала своей деятельности военно-экономический штаб придерживался точки зрения, что его задача состоит в том, чтобы всю военно-экономическую подготовку проводить в соответствии с требованиями длительной войны. Исходя из этого, начальник военно-экономического штаба пользовался любой возможностью для отстаивания принципа, что экономические мероприятия никогда не следует связывать с проведением скоротечной молниеносной войны, что в военно-экономической области необходимо проводить соответствующую подготовку на длительное время. Военно-экономический штаб особенно настаивал на этом, потому что вооружение Германии в 1933—1938 гг. шло главным образом вширь (формирование новых соединений и их вооружение), в то время как вооружение вглубь (обеспечение снабжением, промышленная подготовка, создание запасов сырья) очень задерживалось из-за ухудшившегося валютного положения империи. Этот недостаток в запасах заставлял особенно призадуматься, поскольку немецкая экономика в 1939 г., когда разразилась война, не имела той внутренней полноты и силы, как при развязывании войны в 1914 г., ибо экономическое положение в целом было напряженным из-за многолетнего вооружения и других крупных государственно-политических мероприятий и вследствие больших валютных трудностей, вызванных необходимостью закупки продовольствия»⁶².

На самом деле позиция Томаса была далеко не такой, как это представлено в его книге, в которой он, даже по определению некоторых буржуазных экономистов, «пытается оправдать деятельность военно-экономического управления»⁶³. Конечно, между Гитлером и ведомством Томаса возникали нередко разногласия по поводу путей военно-экономической подготовки к агрессии. Но в конечном итоге они находили общий язык. Так, четырехлетний план 1936 г. был своеобразным компромиссом, синтезом взглядов нацистов и германских милитаристов на характер подготовки военной экономики к войне, которая, как полагали и те и другие, будет развиваться молниеносно. Ни «вооружение вширь», ни «вооружение вглубь» не обеспечивали военно-экономического превосходства фашистской Германии над ее противниками — коалицией европейских великих держав. Лишь после сокрушительного

⁶⁰ «The Effects of Strategic Bombing on German War Economy», p. 8; B. Klein. Op. cit., p. 3; E. Welter. Falsch und richtig Planen. Eine kritische Studie über die deutsche Wirtschaftslenkung im Zweiten Weltkrieg. Heidelberg. 1954, S. 20; W. Bernhard. Die deutsche Aufrüstung 1934—1939. Frankfurt a/M. 1969, S. 145; «Итоги второй мировой войны», стр. 363. Используя вывод этих экономистов, английский историк А. Тейлор посвятил свою книгу доказательству тезиса, что Гитлер вообще якобы не хотел развязывать войну (A. Taylor. The Origins of the Second World War. L. 1963).

⁶¹ A. Kesselring. Gedanken zum Zweiten Weltkrieg. Bonn. 1955, S. 183, 186, 189.

⁶² G. Thomas. Op. cit., S. 145.

⁶³ A. Milward. Op. cit., p. 22.

разгрома в 1945 г. экономисты германского империализма вспомнили о важнейшем принципе, которым Гитлер и его генералы пренебрегали: «Всякое крупное стратегическое планирование должно основываться на том, имеются ли для его осуществления необходимые экономические ресурсы»⁶⁴.

Обычно в доказательство того, что гитлеровское руководство не использовало до конца экономических возможностей для подготовки к «тотальной войне», приводятся следующие аргументы: с 1939 по 1944 г. военное производство фашистской Германии выросло в 5 раз, производство самолетов всех типов увеличилось за то же время с 8 295 до 39 807, танков, штурмовых орудий и САУ — с 1 643 в 1940 г. до 19 тыс. в 1944 г., доля военной продукции в валовом производстве германской промышленности поднялась с 15% в первый год войны до 50% в 1944 году⁶⁵. Но, спрашивается, могло ли германское военное производство в 1933—1939 гг. расти более высокими темпами, чем это имело место (в 12 раз!)? Это исключалось. Даже немецкие экономисты гитлеровских времен признают, что «уже в мирное время вся экономика Германии полностью или почти полностью использовала свои возможности и резервы (рабочую силу, транспорт, источники энергии)»⁶⁶. Но это сказано слишком мягко. В действительности экономика и финансы фашистской Германии были перенапряжены до недопустимых пределов. Генерал Томас в выступлении перед руководством министерства иностранных дел в мае 1938 г. заявил: «В настоящее время наша немецкая экономика загружена даже не на 100, а на все 125%». Такое напряжение сил народа, вызванное гонкой вооружений, он считал «характерным только для военного времени»⁶⁷. Именно поэтому Геринг заявлял промышленникам в 1936 г.: «Мы уже находимся в состоянии мобилизации и войны, но пока еще не стреляем»⁶⁸.

Однако, несмотря на такое чрезмерное напряжение экономики, четырехлетний план подготовки к войне оказался не выполненным ни по стали, ни по чугуну, ни по синтетическим материалам, в том числе горючему, взрывчатым веществам. Западногерманский экономист Биркенфельд писал, что «четырёхлетний план был, пожалуй, самым ярким выражением той безграничной переоценки экономических возможностей Германии, в которую постоянно впадало национал-социалистское руководство»⁶⁹. Гитлеровская клика добилась более чем предельного для мирного времени мобилизационного напряжения экономики. В 1938 г. военные расходы Германии составляли 34% ее национального дохода. По подсчетам английских экономистов, в последнем предвоенном году фашистская Германия тратила на прямые военные нужды почти в 5 раз больше средств, чем Англия⁷⁰.

Наконец, надо иметь в виду главную причину высокого уровня военного производства Германии в 1944 г. — использование производственных, сырьевых, финансовых и людских ресурсов оккупированных стран Европы. Достаточно сказать, что в 1944 г. доля прямых контрибуций в государственном бюджете фашистской Германии составляла 26,4%, в германской экономике было занято более 7 млн. иностранных рабочих и военнопленных⁷¹; к этому надо добавить реквизиции и грабеж

⁶⁴ «Итоги второй мировой войны», стр. 362.

⁶⁵ См. «The Effects of Strategic Bombing on German War Economy», pp. 277, 278—279.

⁶⁶ «Итоги второй мировой войны», стр. 358.

⁶⁷ IMT. Vol. XXXVI, Doc. 028-EC.

⁶⁸ G. Janssen. Op. cit., S. 16.

⁶⁹ W. Birkenfeld. Op. cit., S. 91.

⁷⁰ J. Kuczynski. Die Geschichte der Lage der Arbeiter in Deutschland von 1789 bis in die Gegenwart. Bd. II. Teil I. B. 1953, S. 108; A. Milward. Op. cit., p. 7.

⁷¹ J. Kuczynski. Op. cit., S. 108; «Промышленность Германии в период войны 1935—1945 гг.», стр. 180—181.

материальных средств завоеванных стран, использование их экономики для военных нужд Германии. Только вследствие этого германскому империализму удалось довести в 1944 г. военное производство до 50% всего промышленного производства. Легенда об упущенных гитлеровцами возможностях в области экономической подготовки к войне совершенно несостоятельна. Характерно, что это признают даже некоторые западногерманские экономисты: «Было бы опасным заблуждением объяснять экономическое поражение Германии во второй мировой войне «упущенными возможностями»... Если бы рост военного производства начался бы раньше (и был более интенсивным), то в конечном итоге это не дало бы шансов на победу»⁷².

Опираясь на мощную промышленную базу, фашистская Германия смогла развернуть к началу войны крупные вооруженные силы, хорошо обученные и обеспеченные всем необходимым для нанесения молниеносных стратегических ударов. Характеризуя небывалые темпы ее вооружения, генерал Томас незадолго до начала войны говорил: «Предвоенная армия мирного времени увеличилась с 1898 по 1914 г., то есть в течение 16 лет, с 43 до 50 дивизий. А мы, имея 7 пехотных и 3 кавалерийских дивизии, довели их число до 51... всего за четыре года»⁷³ (1933—1937). Поставленная гитлеровцами еще в 1936 г. задача — обеспечить к 1939 г. вооружением 100 дивизий — была в целом выполнена. Особое внимание командование вермахта уделило развитию главного орудия «блицкрига» — танковых и моторизованных войск и бомбардировочной авиации. На 1 сентября 1939 г. танковый парк вермахта насчитывал более 3 тыс. танков, из них, правда, только 300 были средними (Т-III и Т-IV), а остальные — легкими, включая 1500 танков Т-I, производство которых к тому времени прекратилось. В последний предвоенный год танковая промышленность Германии выпускала ежемесячно в среднем около 60 танков, из них 50 Т-III, а остальные Т-IV и Т-II. Производство различных автотранспортных средств для армии к началу войны составляло около 1750 единиц в месяц. Все годовое производство достигало 289 тыс. легковых и 88 тыс. грузовых автомобилей. Особенно интенсивно рос выпуск самолетов (с 368 в 1933 г. до 8295 в 1939 г.). К началу войны германская авиационная промышленность ежемесячно выпускала 700 самолетов. К 1 сентября 1939 г. самолетный парк немецких военно-воздушных сил первой линии насчитывал около 1 тыс. бомбардировщиков и 1050 истребителей. За шесть предвоенных лет в Германии значительно вырос военно-морской флот. Были введены в строй два линкора водоизмещением 26 тыс. т каждый, два «карманых линкора» (по 10 тыс. т), 17 эсминцев и 47 подводных лодок. Кроме того, со стапелей были спущены два линкора (водоизмещением 35 тыс. т каждый), 4 тяжелых крейсера (по 10 тыс. т), 1 авианосец, 5 эсминцев и 7 подводных лодок⁷⁴.

В первом квартале 1940 г. производство вооружения распределялось по вооруженным силам следующим образом (в процентах): сухопутные войска — 57, военно-воздушные силы — 4, военно-морской флот — 25, противовоздушная оборона — 14. По боеприпасам это распределение выглядело так: сухопутные войска — 58, военно-воздушные силы — 15, военно-морской флот — 9, противовоздушная оборона — 18⁷⁵. Таким образом, вермахт был создан как орудие решения задач континентальной стратегии в молниеносных актах агрессии.

Подводя итоги довоенной политики вооружений, генерал Томас в вы-

⁷² «Промышленность Германии в период войны 1939—1945 гг.», стр. 65.

⁷³ IMT. Vol. XXXVI, Doc. 028-EC.

⁷⁴ «The Effects of Strategic Bombing on German War Economy», pp. 141, 149, 163, 172; J. Kuczyński. Op. cit., S. 57; IMT. Vol. XXXVI, Doc. 028-EC, pp. 115—116.

⁷⁵ «The Effects of Strategic Bombing on German War Economy», p. 234.

ступлении перед руководящими работниками министерства иностранных дел 24 мая 1938 г. заявлял: «Мы можем, видимо, считать несомненным, что по своей военной и военно-экономической мощи, по своей готовности к ведению войны и ударной силе первой волны государства оси — Германия и Италия — в настоящее время превосходят западные державы». Но вместе с тем он подчеркивал: «Если гонка вооружений примет затяжной характер, если за ней последует война, то исход ее, с моей точки зрения, будет зависеть от способности государств оси одержать решающую победу стремительным молниеносным ударом»⁷⁶.

Именно исходя из этих расчетов, руководство фашистской Германии развязало вторую мировую войну. «Ударная сила первой волны» оказалась достаточной, чтобы сокрушить Польшу, скандинавские страны, Францию, балканские страны. Захватом этих стран гитлеровским стратегам удалось, как они и планировали, в громадной степени расширить сырьевую и производственную базу военной экономики Германии и значительно возместить недостатки политики «вооружения вширь». Это позволило им использовать для войны против СССР ресурсы почти всей капиталистической Европы. И тем не менее советский народ в ожесточенной борьбе против орд германского фашизма одержал не только политическую и военную, но и экономическую победу, продемонстрировав великие преимущества социалистической системы хозяйства, превосходство советской военной экономики.

⁷⁶ ИМТ. Vol. XXXVI, Doc. 028-EC.